

Deni Vrai

ЛЮБА

16+

Deni Vrai

Люба

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37880314
SelfPub; 2019*

Аннотация

Она рвалась в Москву страстно. Она не видела в Москве света, манящего своей сказочностью и святой добродетелью. Она была зла и ехала туда, где зла больше. Она ехала биться и побеждать...

Содержание

Обычный день	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

У каждого человека есть любимое место. Этого можно не замечать, можно не думать об этом, не давать себе отчёта, но место есть обязательно. Место, это отправная точка. Талисман. В нём остаётся загадка, непознанность. К нему ты привязан, к нему тянет. Любимое, важное, отправное место, это иногда картинка на стене, иногда вой далёкого поезда. Этого нельзя объяснить, но без этого невозможно жить.

Моё место находится в глубине России. Это небольшое лесное озеро. С одной стороны густо поросшее камышами, ломкими и непролазными. С другой к нему вплотную примыкал лес, как лавина, замершая, нависшая, погружающаяся в собственное тёмное ветвистое отражение. На озере всегда есть жизнь. Птицы, рыба, трава и лихорадочный бой насекомых. Когда ветер со стороны колхозных полей, веет свежим скошенным сеном, тянет навозом. Если же порыв ударит со стороны леса, то запахи смешиваются с гудением могучих стволов, и с шорохом листвы в лицо ударяет сырость и тяжёлое, молчаливое одиночество.

Я часто сидела у озера со стороны пологого спуска. Сидела на траве или забиралась на мостки и, свесив в прохладную воду ноги, размышляла о продолжении своего путешествия.

Мостки были сделаны с усердием и исключительной тщательностью. Это были не те мостки, которые можно увидеть на любой речушке, озерце или пожарном пруде, где «рука-

стый» народ сколачивал доски, начиная конструкцию килограммами гвоздей. И когда с виду мощные, тяжелые, стянутые из толстых досок, мостки всем на радость заваливались набок. Уходили «рукастые» граждане за новыми досками и новыми гвоздями. А мостки так и оставались полулежать, полуплавать в успокоившейся черной воде местного озера, пока не принимались за них мальчишечьи сердобольные ручки, дабы хоть как-то выровнять и совершить один, но яростный прыжок в воду.

Совсем не такие были мостки на моём озере. Сделаны они были усердно, с любовью. Сделаны не из досок, а из тонких стволов деревьев. Гладко оструганы и подогнаны идеально. Ни заусенца, ни единой неровности найти на них было нельзя. В местах соединения вырезаны так точно, что гвозди здесь не требовались и не использовались.

Если говорить о себе, то я очень злая. Это правда. Я была злой с самого рождения. Я родилась и меня злил свет, лившийся из окна. Он был серый и блеклый, а окно с трещинами и грязное. Не полностью, а в углах, там, где грязь давно смешалась с очередным слоем краски, пыли, паутины и сотен фрагментов погибших на окне мух. Мне мало кто верит, но я помню палату, где родилась. Помню толстую санитарку, которую, разумеется, сразу возненавидела, и помню акушерку, с постоянно смеющимся ртом, из которого торчали тёмные недовольные зубы. До того была противная тетка, что

прямо слов не найти. И ее счастье, что в те времена я слов ещё не знала.

Мне не нравился врач, и не только потому, что он был алкоголик и бабник, и даже не потому, что от него смрадно тянуло табачным перегаром. От этого запаха меня выворачивает до сих пор. Нет, он мне не нравился, потому что ждал меня на этом свете. Потому что был уверен, что он первый человек в моей жизни. Я видела это в его глазах, видела это в его движениях. Я даже помню то жадное чувство, когда я вцепилась в мамину грудь и старалась выдавить из мамочки хоть каплю яда, хоть одну фразу, из которой этому остолопу стало бы понятно, что к моему появлению на свет он имеет очень опосредованное отношение. Он худшее, что я увидела, едва картинки стали складываться в отчётливые узоры. Я требовала от мамы обозвать его или хотя бы плюнуть. Но мама... моя мама слишком мягкий человек. Всю злость, какая могла бы ей принадлежать, я видимо взяла с собой, выбираясь из тёплого счастья в серый табачный кошмар.

Мне кажется, что откровенной злости во мне не вызывал только папа. То есть вот просто некогда. Чтобы он не делал, у него всё это было так естественно и так мило и просто, что и придрататься было невозможно. А я пыталась, уж это будьте уверены. Он даже ловил меня за моими попытками. На любую вспышку моего гнева он всегда реагировал своей широкой грудью и лёгкой, наивной улыбкой. Так у него это было... само собой, что мне иногда хотелось стукнуть его ногой. Но

я не стучала, потому что знала, что стоит мне это сделать, как он тут же меня победит. Победит своим спокойствием и наивностью, скажет, как всегда, что теперь это место никогда не будет мыть и снова широко улыбнется. Мы никогда об этом не стоваривались, но у нас всегда был молчаливый договор. Я не давлю на него, он не давит на меня. И я никогда не давила на него, а он ни разу не позволил себе дать мне дурацкий совет или «ценное» указание.

Обычный день

Именно так он и начался. Обычно. Звенел будильник. Я люблю, когда будильник звенит. Не понимаю, зачем будильнику различные мелодии, если только это не будильник, который оповещает о дне зарплаты. Будильник, как можно догадаться из его названия, это предвестник беды. Так и пусть бьет в набат. Ну а если хочется креатива, тогда пусть играет вторую Сонату Шопена, третью часть. Можно без первых двух.

Моя реакция была обычной. Я замерла и таила надежду, что показалось. На это ушла доля секунды. Будильник загрохотал вновь, и я поняла, что опять, как и сотни раз до этого, не ошиблась.

Я легко принимаю неизбежное. Но вставать не хотелось. Подумалось, что будильник это хорошо – он не даст мне уснуть. Хотелось лежать и думать. В голове плыло что-то светлое, и о нем надо было подумать. Будильник это хорошо. Он звенит, а я думаю. Тут главное удержаться на грани между теплыми сновидениями и скользкими прелестями реальности. Прежде чем кинуть себя в звенящий город, надо было подумать, собраться, снова подумать, настроиться и принять вызов нового дня. Для этого было достаточно пары секунд на грани между сном и явью..., но как удержаться на этой

ленточке мироздания, когда будильник лупит прямо в мозг, нанося удар за ударом.

Я вскакиваю, и некоторое время принципиально не выключаю эту механическую пакость. Сажу с закрытыми глазами. Чувствую, как губы мои разъезжаются в страстную гримасу наслаждения. Хищного, циничного, упоительного наслаждения чужим страданием. Я не буду выключать его. Не буду. Никогда! Пусть он сорвет себе голос, пусть у него растянутся пружины или что там растягивается в электронных будильниках. От напряжения он заржавеет и умрет в муках. Ржавчина, это онкология будильников. Он будет смотреть на меня щенячьими стрелками, а я буду холодна. Он сам во всём виноват. Надо уметь отвечать за свои поступки. Хотел сделать другому плохо, а вот сам взял и сдох. ХА... ХА...

Звенит скотина.

Встала на ноги. В комнате темно. Ещё не знаю, что будет, когда открою глаза. Иду в сторону ванной. Будильник старательно орёт мне вслед. Жду, что послышится его изнуренный кашель, а потом звук падения тела. Но у него еще много сил. Он совсем молодой, я купила его неделю назад, после внезапной гибели предыдущего. Сейчас вспомнила, что дала себе слово – месяц будильники не разбивать. Открываю глаза и быстро возвращаюсь. Медленно, почти нежно нажимаю кнопку, но не могу удержаться от злорадного:

– Доволен? Ну, радуйся, радуйся. Ты не узнаешь, как выглядит сентябрь. Не увидишь бегущих в школу детей, не

знать тебе первого снега. Ты думаешь у тебя целый месяц? Что ж, повторишь это тридцать первого. Молчишь? То-то.

День как день. Сидя в кухне перед кружкой кофе, я задумалась. Люблю этот момент. В течение дня есть два таких приятных момента, в самом начале и в самом конце. Вехи пройденного пути. На эти моменты всегда планируешь какие-нибудь чувственные дела. О ком-то подумать, на что-то посмотреть, что-либо окончательно решить. Вот так, думаешь – «вечером решу». Или – «надо прикинуть, вечером специально займусь». Перекладывая решение на следующий день – «утро вечера мудренее».

Когда утром садишься за чашечку кофе или вечером опускаешь свое изнуренное тело на стул перед приготовленным чаем или коктейлем, когда поднимаешь глаза к телевизору, из души вырывается стон наслаждения.

В кухне обязательно должен быть телевизор. Я это решила, ещё когда искала квартиру. Особое внимание уделяла во время просмотров мебелировке именно кухонного помещения. Первое, что появилось у меня на новой квартире, это постельное белье и кухонный телевизор.

И вот присаживаешься вечером, приятный запах и немного вяжущий вкус коктейля. Мягкая нега в теле, мысли плывут и уносятся вслед уходящему дню. И смотришь рассеяно на экран и... и, конечно ничего не решаешь, ничем не занимаешься, никуда не смотришь, кроме экрана и понима-

ешь, что тебе хорошо. И всё.

В такие моменты важно само настроение. Остальное не имеет значения. И подумать и решить можно всегда, а оценить к какому настроению ты пришла на очередном круге жизненного ада, можно только рядом с придуманной вещью, за чашкой кофе или за стаканчиком чего-то упоительного.

Путь на работу, это битва. Битва за выживание. На работу можно ездить и на машине, но я не понимаю этого плюса. Да и слово ездить сомнительно. Если вещи называть своими именами, то в метро ты стоишь, но едешь. А в машине ты сидишь, но стоишь.

Коллега однажды подвезла меня до метро. Что и говорить, приятно. Преданный твоим прихотям парень под капотом, утробно завывая, исполняет любое желание. Стоит только пнуть его ногой. Сидишь вольготно, можно вытянуть ноги. Мир, когда на него смотришь через окно автомобиля, меняется. Причём, мне кажется, не за счёт того что тебе стало лучше, а вот через окно он выглядит хуже. Пешеходы понурые. Хотя на самом деле это не так, уж я-то знаю. Деревья серые и редкие. Бордюры кривые. Уродует мир не машина, его уродует скорость. Сидя в машине, перестаёшь идти в ногу со временем. И здесь неважно двигаешься ты быстрее или медленнее. Важно, что ты двигаешься иначе. Спасибо коллеге, теперь я знаю, что никогда не куплю себе машину.

Странная вообще-то девочка эта моя коллега. Ей дали повышение. И она решила, что это большая радость для всех. Для всего коллектива. Сразу начала трепаться. Стала рассказывать всю свою жизнь, все свои радости. Всем рассказала о своей маме. Кому нужна ее мама? Что ей мама сказала, как ее мама обрадовалась и, как она маме звонила и та даже приехать решила, узнав, что дочь беременна. Какое чудо. И повышение и беременна. Ну, то есть просто никогда ничего подобного в истории планеты не происходило. Вот просто ходит по планете семь миллиардов человек и не подозревают, что на свете бывает беременность.

Естественно, что из потока её безудержной радости кое-что дошло до начальства. Не то чтобы дошло самостоятельно, а скорее нежно укутано комментариями и лаконично донесено. Начальство равнодушным не осталось. Полученной информации вкупе с бесполезными комментариями о имевших в прошлом место опозданиях и даже паре отгулов, перефразированных в прогулы, вполне хватило для очевидного решения об увольнении незадачливой карьеристки.

Начальство можно понять. Да все отродясь и понимали. И держали языки за зубами. Ведь это странная математика, когда ты, назначая супервайзера ценой потери оператора, в результате получаешь декретный отпуск в комплекте с необходимостью обучения не только нового оператора но ещё и нового супервайзера. В дополнение, выплачивая одну лишнюю зарплату исключительно из любви к растущей демогра-

фии перенаселенной планеты.

Встретила я карьеристку в курилке. Она стояла в полном одиночестве. Видимо, новый подарок судьбы с ней делить никто не захотел. Она ко мне не подходила, я к ней тоже. Я стояла у окна, она у вытяжной трубы. Там обычно тусуются новенькие. Такой тихий, пыльный уголок. И вот стоит она в этом уголке и смотрит на свои ноги. Мордуленцию вытянула, вроде как всё ей нипочём. Вроде как даже и не расстроилась. В каком-то смысле, чего бы ей и расстраиваться. Муж есть, будет ребёнок, мама где-то в родной дыре российской лесной пустыни радуются будущему внучку. Чего ещё надо человеку. Тут бы не сочувствовать, а поздравлять.

Подошла я к ней и говорю:

– А может ты на голову больная?

Она мне отвечает:

– Почему?

А я ей говорю:

– Ну ты же не соображаешь ничего. Получается, что неадекватная.

Она хотела грубостью ответить, но не первый день в нашем дружном коллективе, знает, с кем говорит. Голову опустила, опять свои тапки разглядывает. Уже поняла, что ресурс радости от нового назначения ограничен сроком этого самого назначения.

– Слушай, что надо делать, – я подумала, прикидывая как бы устроить ситуацию, чтобы пострадало как можно больше

народу. Но она решила ответить, чем сбила меня с мысли:

– Да ничего не надо, у мужа хорошая работа... просто мне нравилось...

– Послушай, – сказала я...

И вдруг я ее поняла...

Для этого надо не только видеть лицо, надо слышать голос, слова, и главное то, как человек сам понимает смысл своих слов. Я посмотрела ей в глаза и замерла... она не из тех, кто плачет. Довольно холодная девка. Боевая, но холодная. Вот почему ее на должность взяли – врага не видели. Не люблю таких. Жёстких люблю, жестоких, нравятся инфантильные и доверчивые, с ними чувствуешь себя мамочкой Терезочкой. Говоришь, а они слушают, всё на веру принимают. Со злобными тоже хорошо, можно пообсуждать подробности чьего-нибудь несчастья, понасмеяться. Их я очень хорошо чувствую, они меня тоже, с такими можно вообще ничего не говорить, только переглянулся и всё понятно. Вот как-то услышали шум в коридоре, это генеральный разнос дал Татьяне. Причину все знали, и ждали, кому влетит. Если косяк отдела дошёл до генерального, должны быть санкции. А санкции бывают двух видов. Либо казнят прямого виновника. А это затратно, потом надо искать нового на его место. Или выбирают дурака для битья из среднего звена. Тогда в холодном поту весь отдел, но нет крови. Вот выбрал генеральный второй вариант, мы со злыднями в курилке увиделись, и там же Татьяна стоит, сигарету своими гусиными

пальчиками держит, стружкой дыма в воздухе круги рисует. А нам что, только переглянуться, да чуть губами двинуть. Мы вроде и поговорили и поржали. Татьяна такая же, она знает, что над ней ржем. Но мстить нам она не будет. Будь у неё возможность, нас бы она и так убивала. Вот и получается, что слова нам просто не нужны. Слова для наивных. Только на их свежем мясе мы и выживаем. На нём вскормлены, на нём упитаны.

Сама по себе девица внешне интересная. Крупненькая, плечи круглые, кости не торчат, грудь на зависть, ноги прямые. И ребёнка родит здорового. С такой не поссоришься, но вот спиной лучше не поворачиваться. Драться такие не умеют. Со спины бьют и именно тогда, когда вас и бить то уже не надо. Когда никто другой бы уже не ударил, а кто-то и пожалел бы, вот тогда она и нанесет свой коронный и долгожданный.

Вообще с такими скучно. В разговоре только поддакивает, своего ничего не скажет, будто правда верит, что кто-то не знает, что у неё на уме. Сейчас вдруг пришло в голову, что есть у таких как она одна особенность. Взгляд у неё... не знаю даже, как описать. Он вроде и холодный и пронзительный. Но не ледяной. Ледяной бы ещё ладно, а он... преданный правилам, что ли. Это вот когда зла вам вроде не желают, никогда не станут атаковать в лоб. И сбоку не будут. И вот даже когда вы тонуть будете, то протянут руку помощи. Но вот если точно никто не видит, если точно вы самостоятель-

но не выплывите, если вот прямо можно тут же от вас отвернуться и пойти своей дорогой, то вот такая пойдёт дорогой. И самое омерзительное, что даже не со зла, а вот просто, если нет требований внешних, то ей совершенно искренне и честно и от души плевать, что вы там в воде пытаетесь спеть на одной ноте. Аморфные эти девочки. Будто бог, когда их создавал, задумался и чувства вложить забыл. Ни хороших, ни плохих не вложил. Такое пустое место получилось, что сам Бог не заметил, как это творение убрело в мир людей, и затерялось среди внешне подобных. И вот бродят они среди людей, ищут толи душу подобную, толи душу вообще. Вот и лезет она общаться с теми с кем не надо и хвастается не тогда, когда надо. Не хватает ей душевного общения. Таких, как она главное с наивными не путать. Наивность результат недостатка опыта. Здесь же никакой опыт не поможет. Не чувствует эта дурочка жизнь. Совсем не чувствует.

– Пойдёшь к Ларисе. Она сегодня за старшую по отделу. Скажешь, что когда дела принимала, решила диалоги послушать. Скажи, что попался диалог за двадцать седьмое число прошлого месяца. Лежал, мол, в отдельной папке, ты решила узнать, что за папка...

– Зачем всё это...

– Ты слушай, что я говорю! Запомнила, за какое число?

– Двадцать седьмое, – такие как она, так как сами соображать не умеют, схватывают очень быстро. Первый признак пустышки.

– Правильно. Скажешь, что послушала диалог Татьяны с клиентом. Скажи, что думала тренинговые диалоги, а там странные вещи какие-то в разговоре с клиентом.

– Какие вещи?..

– Неважно какие. Ты запоминай, что говорить, и говори слово в слово. Когда она тебя спросит, что за файл, скажи, что лежал в отдельной папке, и что ты спросила у девочек, что с этим делать и что это такое.

– У кого спросила?..

– Скажи, что у меня спросила. А я села на твоё место и что-то сделала, после этого файла уже не было. Ты ей это скажи так, будто отчитываешься. Вот, мол, такая ситуация.

– А зачем?

– Повтори, что сказать надо.

Она отгарабанила всё точно и пожала плечами.

– Иди прямо сейчас. Иди так, будто ты в гневе, что вот все тебя предали, и что вот ты сама невинность, и ты-то никого не предавала...

– Я никого и не предавала...

– В этом и проблема, – тихо сказала я.

– Как это?

– Поймешь, когда-нибудь, – скривила я рот, понимая, что никогда она не поймет. – Иди.

Она убрела. А я осталась. Достала новую сигарету и стала крутить ее в руках. Зачем тратить свой газ из зажигалки, когда можно потратить Ларискин.

Лариса явилось минут через десять. Почти влетела, тут же достала зажигалку, дала мне прикурить, ткнула руки в бока и свела брови.

– Ну и что это значит?

– У меня норма ещё до обеда была, – наивно удивилась я неожиданному вопросу. – Могу хоть весь оставшийся день курить.

– Я не про норму.

– А про что?

– Я на дуру похожа?

– Ты? Нет.

– Я спрашиваю, что ты устраиваешь?

– Ничего.

– Какие еще файлы?

– А-а-а, – я отмахнулась, – ты про это. Да я говорила сейчас с овуляшкой, она что, сразу к тебе побежала?

– Разумеется.

– Надо же какая, а так и не скажешь. Вот и помогай после этого людям. Я ей сказала никому не говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.